

А.И. Хорошильцев

ВЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ

Раскрывается проблемный аспект власти как объекта юридического познания. Отмечается, что власть фактически является таким объектом, но в отличие от права в этом качестве официальной доктриной не признана. В контексте противоположности и целостности функционирования власти и права обосновываются их одинаковая важность в сфере упорядочения и равное значение знаний о них. Делается вывод о необходимости официального признания власти объектом юридического познания равнозначного праву.

Ключевые слова: право; власть; объект юридического познания; теория государства и права; правоведение; государство-ведение; юридическая теория власти; юридическая кратология.

Постановка проблемы

Власть всегда была в поле зрения юридической науки и фактически служила и продолжает служить объектом ее познания. В разные времена ей уделяли внимание, с большей или меньшей степенью активности исследовали, но никогда не игнорировали. Однако сложилось так, что юриспруденция в большей степени сосредоточилась на изучении права и государства, которые обрели практически общепризнанный статус объектов теории государства и права как фундаментальной основы юридических знаний и юридического познания. Тогда как власть в названном качестве официальной доктриной не признана и находится на периферии познавательных интересов юридической науки. Примером официального отношения к власти как объекту познания в теории государства и права является паспорт специальности 12.00.01. (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве), где не только власть в целом, но и государственная власть практически не упоминаются. Да и в паспортах других юридических специальностей термин «власть» встречается редко, а областей ее исследования практически нет. Единственная специальность, в которой власть недвусмысленно рассматривалась как область юридического познания, была специальность 12.00.11. Но в последней редакции ее паспорта эта область исследования заменена судебной деятельностью, которая не идентична судебной власти.

Из данной ситуации вытекает проблема власти как объекта юридического познания в целом и ее отдельные аспекты в частности. Первый из них обозначен выше. Он заключается в том, что власть, будучи фактическим объектом изучения, официально не признана таковым. Этим сдерживается исследование власти и сохраняется диспропорция между знаниями о ней и знаниями о праве, порождающей второй аспект рассматриваемой проблемы. Данный аспект заключается также в том, что в юриспруденции много, в целом системно и целенаправленно исследуется право и явно недостаточно, фрагментарно, изучается власть. Соответственно с этим право и ее сущность исследованы намного обстоятельней власти. По мнению Г.В. Мальцева, юристы «почти ничего» не могут сказать о ее смысле и природе. «Их внимание сосредоточено на внешних проявлениях власти, тогда как внутренняя пружина ее действия остается скрытой» [1.

С. 17]. Но, если мы мало что знаем о смысле и природе власти, а значит и о том, что она собой представляет, если мы не стремимся в должной мере к ее изучению, то возникает вопрос: можем ли мы рассчитывать на адекватное отражение юридической реальности в целом, одним из важнейших элементов которой является власть? Скорее, нет. И из этого вытекает третий, видимо, самый важный по своему содержанию, аспект проблемы. Он заключается в том, что сложившаяся ситуация с познанием власти в юридической науке противоречит познаваемой ею объективной реальности и в конечном итоге ведет к искажению доктринальной картины последней. Такой вывод напрашивается из того, что непосредственными основаниями той реальности, на познание которой направлены усилия юриспруденции, в первую очередь и в равной мере являются право и власть. Они целостностью своего функционирования в одинаковой степени формируют названную реальность, что, в свою очередь, предполагает равную степень изучения права и власти. Юридическое познание – это прежде всего познание посредством отраженного и сформулированного сознанием единства права и власти. Наиболее ярко это видно на примере позитивизма, методологической опорой которого является видение мира посредством понятия позитивного права, предполагающего присутствие власти. В.С. Нерсисянц отмечал, что «в основе легистской (юридико-позитивистской) гносеологии лежит принцип признания (и знания) в качестве права лишь того, что является приказанием, принудительно-обязательным установлением официальной власти...».

Сила власти здесь рождает насильственное, приказное право

Истина о праве, согласно легистской гносеологии, дана в законе, выражающем волю, позицию, мнение законодателя (суверена, государства). Поэтому истинное знание о праве носит здесь характер мнения, хотя и официально-властного мнения.

По логике такого правопонимания, одна только власть, создающая право, действительно знает, что такое право и чем оно отличается от неправа» [2. С. 65–66]. Не менее концентрированно эта мысль выражена ученым в следующем суждении: «По существу же (т.е. социологически, по словам Кельзена) под действительностью позитивного права имеется в виду

власть (правоустанавливающая власть, властная сила права), а под действительностью права – установленное этой властью позитивное право...» [2. С. 597].

Для позитивизма правом служит закон, который по существу представляет собой форму для выражения права в понимании носителей государственной власти. Они формулируют, создают такое право и обеспечивают его реализацию своими ресурсами. Рассматривая право в позитивном понимании, мы обнаруживаем его «обремененным» властью. Позитивное право – это государственная власть «в одеждах» права, которая предлагает обществу закон как инструмент упорядочения и в тоже время как инструмент юридического видения мира. Иными словами, в том случае, когда в качестве права рассматривается позитивное право, юридическое видение мира предполагает присутствие не только понятия права, но и власти. Отраженная и сформулированная сознанием целостность функционирования права и власти методологически и практически значима для юридического познания. Один из современных исследователей власти профессор И.А. Исаев отмечает, что «...необходимо углубиться в самую суть... понятий “власть” и “закон” [3. С. 3], которые он рассматривает в качестве узловых категорий. На них, по его мнению, «строится любая система политического и правового мышления, любая концептуальная конструкция, описанная в его терминах. Собственно говоря, эти понятия – главные для любой “философии права”, как бы мы ни понимали и какой бы понятийный круг для нее не очерчивали» [Там же]. Продолжая свои размышления в другой работе, ученый справедливо пишет, «что право, закон, власть как выдающиеся явления мирового порядка нуждаются в более широком взгляде на них, а следовательно, и в более комплексном учете и освещении всех нюансов и всего своеобразия, свойственных каждому их проявлению и каждому отдельному их элементу» [4. С. 9].

Для получения научной картины, объективно отражающей юридическую реальность, надо одинаково исследовать оба ее фундаментальных основания, которыми являются право и власть. Такой подход методологически оправдан, так как он соответствует объекту изучения. Примером может служить взгляд на классическую норму позитивного права с точки зрения данного подхода, который уместно рассматривать в качестве одного из системообразующих методов юридического познания. В соответствии с ним норма позитивного права предстает как юридическая норма, где вектора права и власти, сопрягаясь, рожают такие элементы своего целостного существования, как гипотеза, диспозиция и санкция. В юридической норме каждый из этих элементов служит фактором оптимизации потенциалов права и власти. В гипотезе названные потенциалы оптимизируются с позиции права и как бы на его стороне, в санкции это происходит с позиции и «на стороне» власти. Диспозиция конституирует данную модель упорядочения, находя «золотую середину» целостного их существования. При этом правовой вектор проявляет себя прежде всего в гипотезе, а затем «проникает» в диспозицию, где фиксируется в правах субъектов отношений. В свою

очередь властный вектор развивается в обратном направлении. Изначально он обнаруживает себя в санкциях, а далее в обязанностях, которые воспроизводятся в диспозициях и «выражают не особенности права как своеобразного социального регулятора, а особенности государственной власти, осуществляемой через право...» [5. С. 101].

Еще один аспект рассматриваемой проблемы вытекает из отсутствия единой науки о власти в целом и науки, которая бы системно включала в себя юридические знания о ней. Данные области познания только формируются. На место первой из них претендует общая кратология (властеведение) с ее теоретическими основами. В качестве второй могла бы стать юридическая кратология, теоретические основы которой составляет прежде всего юридическая теория власти.

Формирование названных научных направлений ставит вопросы об их месте в структуре юридических знаний и о власти как фактическом объекте юридического познания в целом и объекте теории государства и права в первую очередь.

Власть как фактический объект юридического познания

То обстоятельство, что власть является фактическим объектом юридического познания, подтверждается целым рядом обстоятельств. Прежде всего, такой вывод напрашивается потому, что власть, как уже было отмечено, активно исследуется в юридической науке. Причем не только государствоведами, но и правоведами. Более того, в последнее время обозначилась явная тенденция к активизации юридикотеоретического познания власти. Ей, и особенно государственной власти, ее ветвям, функциям, органам посвящены кандидатские и докторские диссертации, монографии и научные статьи. Во многих исследованиях, посвященных различным юридическим вопросам, непосредственно не касающихся власти, авторы затрагивают ее проблемы. Причем исследователи затрагивают не только позитивно-правовые аспекты власти, но и погружаются в сущностные, онтологические, гносеологические и иные проблемы ее бытия. Многие современные учебники по теории государства и права, фиксируя результаты и успехи юридической науки и подчеркивая их значимость для юридического познания, содержат главы, параграфы о власти и государственной власти.

Устойчивый и нарастающий интерес к власти объясняется фактической ролью этого феномена в жизни общества, государства и в юридической сфере, а также значением знаний о власти для юридической науки. Государство и право, которые признаны объектами теории государства и права, без власти в реальной жизни не существуют и существовать не могут. Отделить право от власти можно лишь умозрительно, абстрактно, а государство от власти неотделимо в принципе. Без власти нет государства и быть не может. Практически всеми исследователями государственная власть в науке признается самым существенным феноменом в государстве, а все области исследования в государствоведении в той или иной

степени основаны или связаны с изучением власти. Не менее важны исследования власти в интересах правоведения, все области которого в той или иной степени увязаны с познанием власти, как это было показано на примере нормы позитивного права. Само право может быть понято только посредством осознания той власти, которая связана с ним. Так, среди характеристик позитивного права традиционно называют то, что оно формируется и обеспечивается государством, его властью. Причем связанность права и власти отмечается не только в сфере публичного права, где она очевидней, но и в сфере частного права, где функционирует власть человека над вещами и другими индивидами. Без власти над самим собой человек не в состоянии воспользоваться своими правами и свободами. И динамика, и статика позитивного права напрочь увязаны с властью. Так, правотворчество и применение права, как этапы его динамики, проявляют государственную власть. Не обходятся без власти, в первую очередь без власти человека, и другие формы реализации права (использование, исполнение и соблюдение). Статика позитивного права, фиксируемая в текстах нормативно-правовых актов, также является результатом проявления государственной правотворческой власти, а юридическая сила нормативных правовых актов отражает иерархию органов государственной власти и познается через нее.

Перечислять области юридической науки, связанные с необходимостью изучения власти, можно бесконечно. Ограничусь здесь сказанным, подчеркнув, что теория государства и права, да и вся юриспруденция проявляют устойчивый познавательный интерес к власти как к фактическому объекту своего познания. Эта роль власти, в свою очередь, закономерно вытекает из того, что она является частью объективной реальности, неразрывно связанной с правом. Причем данная связанность носит фундаментальный характер и имеет не только онтологическое, но и, как уже говорилось, методологическое значение. Знания о власти необходимы для познания права, точно так же как знания о праве необходимы для изучения власти. Подобная связанность права и власти обусловлена характером их отношений, подтверждающих тот факт, что власть является объектом юридического познания равнозначного праву.

Объективный характер отношений права и власти

Отношения права и власти – одно из проявлений всеобщего закона единства и борьбы противоположностей. Их противоположность и взаимосвязанность издавна была и остается предметом пристального внимания ученых и философов. Многими признается, что право и власть, будучи антиподами, не могут существовать друг без друга. Одна из наиболее удачных конструкций их взаимодействия предложена известным отечественным философом Б.П. Вышеславцевым. По его мнению, «власть принципиально содержит в себе момент бесконтрольности и произвола; право принципиально не признает бесконтрольности

и произвола. Во власти всегда есть, в конце концов, бесправие. В праве всегда есть безвластие» [6. С. 524]. В тоже время в своих размышлениях Б.П. Вышеславцев приходит к пониманию целостного функционирования права и власти, которое решает их антиномию. «Вся история социальной и политической жизни – пишет мыслитель – есть история трагического столкновения власти и права. Из этой борьбы вырастает и правовое государство, и диктатура, причем каждая из ее сторон по-своему разрешает антиномию. Трудность решения состоит на первый взгляд в том, что власть и право как будто несовместимы и исключают друг друга. Если бы это было так, решение было бы принципиально невозможно. Однако они обнаруживают не только взаимоисключение, но и некоторое взаимовключение. Они поистине связаны неслиянно и нераздельно. В самом своем зародыше власть уже предполагает элемент права. И, с другой стороны, в самом своем завершении право тоже сохраняет известное отношение к власти» [Там же. С. 524]. Формулой решения антиномии права и власти для Б.П. Вышеславцева можно считать его мысль: «Всякая власть предполагает минимум права; всякое право предполагает минимум власти» [6. С. 524]. Таким образом, мы можем заключить, что ученый видел два основных пути решения антиномии права и власти: а) формированием власти, которой в той или иной мере присущи элементы права и б) формированием права, которое включает в себе элементы власти. Аргументируя свою позицию, Б.П. Вышеславцев, в частности, отмечал, что «всякая власть для своего укрепления необходимо сублимируется, облекается в форму права, облагораживается... будучи противоположным власти, право все же всегда нераздельно с нею связано: власть всегда сублимируется каким-то правом, хотя бы самым жестоким и деспотичным. И право всегда сублимирует некоторую власть, хотя бы самую смягченную, ограниченную, осмысленную. Право имеет перед собой идеал безвластия, но фактически всегда опирается на какую-то власть» [Там же. С. 525]. В качестве сублимации власти Б.П. Вышеславцев рассматривает закон. «Закон предполагает законодателя, т.е. лицо, волю, власть. Но если право есть приказ власти, то это совсем особый приказ, особое его проявление. Оно, и только оно, делает власть организующей силой, объединяющей силой и потому осмысленной и сублимированной силой. Закон есть первая сублимация власти... В законе и через закон власть существенно изменяется: она перестает быть произволом и становится всеобще-обязательной нормой» [Там же. С. 526].

Проблему противоположности и целостности функционирования права и власти затрагивали и другие ученые. Так, один из классиков отечественной юриспруденции О.А. Котляревский утверждал, что «право и власть в наличном государственном порядке тесно сплелись и даже могут быть разделены только отвлеченно» [7. С. 44]. Не обошли вниманием тесную связанность права и власти современные исследователи. С.С. Алексеев, отмечая противоположность этих явлений, пишет, что в праве «зримо или незримо присутствует государственный компонент, на нем лежит

«отпечаток» государственной власти» [8. С. 100], а в другом месте он утверждает: «право требует власти» [9. С. 64, 67].

Показанный характер связей отношений права и власти вытекает из их объективных истоков, которыми служат потенциалы противоположных друг другу видов активности: воздействия и отражения. Отражение материалистической философией рассматривается как всеобщее свойство материи и определяется как способность материальных явлений, предметов, систем воспроизводить в своих свойствах особенности других явлений, предметов, систем в процессе взаимодействия с ними. Воздействие противоположно отражению и представляет собой способность систем в процессе взаимодействия воплощать, трансформировать свои особенности в свойства других систем.

В основании власти лежат потенциалы воздействия, а истоками права служат потенциалы отражения. Власть, как правило, рассматривается в контексте воздействия. Так, под нею часто понимают возможность и способность достигать поставленных целей вопреки сопротивлению. За этой формулой скрываются, прежде всего, потенциалы воздействия, актуализация которых обеспечивает преодоление возникающих препятствий на пути к цели.

В свою очередь, в основании права лежат потенциалы отражения. Так, для профессора В.М. Сырых право есть результат отражения. «Право, равно как и обычай, – отмечает профессор, – возникает как результат мыслительной деятельности человека, как результат отражения им существующих общественных отношений» [10. С. 500]. В.Г. Тарасенко считает, что «право формируется вместе (одновременно) с сознанием как правосознание» [11. С. 17], т.е. как форма отражения правовой действительности.

Об отражении, как основании права, говорит и традиционное его понимание в качестве совокупности правил поведения, установленных и обеспечиваемых государством. Во-первых, эти правила формируются сознанием тех лиц, которые участвуют в процессе правотворчества, а сознание, как известно, является высшей формой отражения. Во-вторых, принятые государством правила поведения отражаются сознанием граждан, формируя у них понимание границ своей активности в обществе. В-третьих, для самого государства установленные им правила поведения служат мерой, посредством которой его должностные лица оценивают, отражают внешнюю деятельность участников социального взаимодействия. Позитивное право – это своего рода область юридического «сознания» государства, форма для отражения оцениваемого им поведения.

Вместе с этим право и власть представляют собой две противоположности, обеспечивающие переход активности из ее состояния потенциальности в состояние актуальности. Власть обеспечивает это путем упорядочения отражения посредством потенциалов (ресурсов и механизмов) воздействия (потенциалы воздействия → отражение), а право – путем упорядочения воздействия посредством потенциалов отражения (потенциалы отражения → воздействие). Иными словами, власть пробуждает активность отражения,

заставляя ее носителя исходить из факта возможного проявления воздействия со стороны его источника. В свою очередь право пробуждает активность воздействия, открывая для ее носителя объемы для ее размещения. При этом и право, и власть направлены на упорядочение взаимодействия и формирования связей между субъектами, но связей, которые «работают» в разных направлениях. Власть обеспечивает связь между субъектами от потенциалов воздействия одного из них к фактическому проявлению активности их отражения другого. А право оказывается каналом связи от потенциалов отражения одного субъекта к фактическому проявлению активности воздействия в объемах этого канала другого субъекта.

Таким образом, целостное функционирование права и власти упорядочивает связи субъектов и служит источником юридического порядка. Целостность функционирования, синтез права и власти уместно рассматривать в качестве юридического континуума свободы [12]. В буквальном переводе с латинского понятие «континуум» (*continuum*) означает непрерывность. Данным термином, как правило, характеризуют непрерывность, неразрывность явлений, процессов, что свойственно связанности права и власти. Власть постоянно трансформируется в право, а право – во власть. Юридический континуум свободы универсален. Он обнаруживает себя в различных явлениях, наиболее ярким из которых служит государство. В этом качестве оно является юридическим континуумом свободы народа, т.е. целостностью функционирования его права и власти. Юридический континуум обладает формой, содержанием, интегративным качеством. Последнее заключено в способности и возможности юридического континуума быть источником порядка. Порядок – это свобода в условиях существования множества, а свобода в свою очередь – это объем для размещения активности. Ни право, ни власть в одиночестве не в состоянии сформировать и обеспечить свободу и порядок. Последние всегда формируются только как целостность функционирования права и власти.

Но, несмотря на глубокий и универсальный характер связей права и власти, юридической науки о последней, как уже было отмечено, пока не сложилось. Вместе с тем в юриспруденции в целом и в недрах теории государства и права в том числе постепенно формируется та совокупность знаний о власти, которая обретает черты юридической кратологии как науки о власти в ее противоположности и целостности функционирования с правом [13].

О кратологии

Кратология как наука о власти заявила о себе прежде всего благодаря публикациям В.Ф. Халипова [14, 15]. Формулируя развернутое определение кратологии, он пишет, что «это – одна из важнейших социальных наук – учение о власти, о закономерностях ее происхождения, функционирования и развития, о типах и видах власти и их специфике, ее субъектах, объектах, источниках и носителях, о целях, функциях, системах, структурах, механизмах, нормах и принципах».

пах, средствах и методах власти, о сути и особенностях разделения властей, взаимодействия власти с другими сферами жизни и властей разного рода между собой, а также с зарубежными властями» [14. С. 26].

В.Ф. Халипов отмечает обширность знаний о власти, наличие значительного числа ее элементов и характеристик (около 150), рассматривает около 50 различных... кратий [15. С. 25–38], приводит далеко не полный список ее видов (около 40), типов и проявлений [14. С. 13–15]. Обширность, вездесущность власти дают основание В.Ф. Халипову рассматривать ее в качестве универсального явления, выходящего за пределы общества: «...Собственно власть как универсальный феномен возникает еще до человека и прачеловека и существует помимо человека, причем не только с Богом, в мире религий, как считают многие земляне, но и в далеко еще не познанной нами Природе, в т.ч. живой Природе» [Там же. С. 8].

В.Ф. Халипов выделяет более семидесяти областей и отраслей знаний о власти. Среди них: общая кратология, история власти, философия власти, логика власти, теоретическая и практическая кратологии и т.д. [Там же. С. 26]. Но основную классификацию знаний о власти ученый сводит к трем основным группам: 1) фундаментальные, базовые (общая кратология, теоретическая и практическая кратологии, сравнительная кратология, философия и история власти и некоторые другие); 2) специальные (или частные) области (законодательная, исполнительная, судебная, контрольная, избирательная, учредительная, информационная, международная, муниципальная и целый ряд других); 3) комплексные (антропология власти, логика власти, метафизика власти, психология власти, педагогика власти, феноменология власти и т.д.) [14. С. 96–98].

Кроме этих областей кратологических знаний В.Ф. Халипов называет еще несколько десятков направлений, которые, по его мнению, требуют осмысления. Среди них метакрытология, мегакрытология, бюрократология, теократология и многие другие. В числе направлений кратологических знаний и юрократология [Там же. С. 99]. Эта область знаний отражает прежде всего власть права и сферу профессиональной власти юристов, которую В.Ф. Халипов именует юрократией. «Юрократия – власть юристов в прямом и переносном смысле. Власть как растущее влияние норм права и специалистов этой сферы в государстве, становящемся правовым, и власть собственно юристов как один из идеалов, выдвигавшихся в прошлом и признававших необходимость прихода к власти ученых» [15. С. 35–36]. В этом контексте объектами юрократологии служат юридическая власть [16] и власть права [17]. Тогда как юридическая кратология, как мне представляется, охватывает не только эти объекты и поэтому оказывается шире юрократологии в ее понимании В.Ф. Халиповым. Юридическая кратология, как уже отмечалось, это область знаний о власти в ее противоположности и целостности функционирования с правом. В таком контексте она призвана изучать власть прежде всего в двух ее основных ипостасях. С одной стороны, власть исследуется как часть регулятивной реальности в ее проти-

воположности и вместе с тем в ее связанности с правом. В этом плане власть изучается в первую очередь посредством знаний о праве. С другой стороны, власть познается как методологический инструмент для познания права. Кратологическое познание предполагает также исследование фундаментальных оснований власти, которыми являются прежде всего активности воздействия и отражения. Наконец, юридическая кратология ориентирована на изучение внешних проявлений власти, которые обусловлены названной ее противоположностью и целостностью функционирования с правом.

Что касается того места, которое знания о власти занимают в юриспруденции, то его можно определить исходя из структуры теории государства и права, так как строение последней в определенной мере опосредует структуру всех юридических знаний.

О структуре теории государства и права

На строение теории государства и права, как известно, есть несколько точек зрения. По мнению одних ученых – эта наука включает в себя только теорию позитивного права и теорию государства. Другие ученые полагают, что помимо теории государства в эту науку следует включать догму права, социологию права и философию права. Третьи дополняют список названных частей науки логикой права и сравнительным правом. Не вызывает пока сомнений, пожалуй, только то, что в теории государства и права, как минимум, две составляющие: теория права и теория государства. Но по поводу них есть мнение, что они представляют две самостоятельные науки: правоведение и государствоведение. Так, профессор Г.В. Назаренко отмечает по данному поводу: «В последние годы отчетливо прослеживаются две тенденции: первая выражается в стремлении объединить в рамках общей теории права проблемы философии права, социологии права и специально-юридической теории (С.С. Алексеев, В.В. Лазарев); вторая проявляется в попытках размежевать теорию государства и теорию права в связи с тем, что государствоведение и правоведение имеют разные объекты исследования (Р.Х. Лившиц, А.Б. Венгеров)» [18. С. 9]. Третья тенденция сводится к стремлению сбалансировать первые две. «Многие ученые справедливо отмечают, – пишет далее Г.В. Назаренко, – что теория государства (государствоведение) и теория права (правоведение) – это относительно самостоятельные отрасли единой юридической науки, известной под названием «Общая теория государства и права» [Там же]. Следует отметить, что есть и иные подходы к структуре теории государства и права. В частности, профессор В.Г. Графский выделяет в современной российской юриспруденции (отечественном правоведении) три основных измерения (внешних проявлений): практическую юриспруденцию, теоретическую юриспруденцию и общую (интегральную, философскую, синтезированную) юриспруденцию [19. С. 12]. К теоретической юриспруденции ученый относит общую теорию права (теоретическое правоведение, догматическую юриспруденцию, позитивистскую, аналитиче-

скую юриспруденцию). «Теоретическое правоведение, именуемое также общей теорией права, занято выработкой общих понятий и категорий, выражающих устойчивые признаки права вообще и современного права в особенности». [19. С. 13]. Выделяя общую (интегральную, философскую) юриспруденцию, В.Г. Графский пишет, что эта область правоведения «ориентирует в природе и назначении права в социокультурном мире человека, семьи, общества, государства, разных цивилизаций, а также в мире морали, религии, других областей общественного сознания и цивилизационной культуры. Наиболее употребительное до настоящего времени наименование для этой области знаний – философия права» [Там же. С. 14].

Преодоление выделенных и иных сложностей в структурировании юридико-теоретических знаний видится на пути выделения двух их уровней в теории государства и права.

Уровни юридико-теоретического знания

Первый из них – уровень теории государства и права как области концентрации классических юридико-теоретических знаний, которые охватывают теорию права и теорию государства. Это, в свою очередь, предполагает признание относительно самостоятельных направлений юридического доктринального знания: правоведения и государствоведения. Данный уровень знаний применительно к рассматриваемой теме требует: а) обозначить сферу познания, которая формируется на стыке правоведения, государствоведения и кратологии, б) определить отношение юридической кратологии, ее теоретических основ и классической теории государства и права.

Второй уровень – это уровень более емких юридико-теоретических знаний по сравнению с классической теорией государства и права, который уместно рассматривать в качестве комплексного юридического учения. Его потенциалы накапливаются, а контуры все четче проступают и в теории государства и права, и в сфере юридико-теоретического познания в целом. Выделение этого уровня познания связано, в частности, с появлением новых научных направлений. По мнению В.Г. Графского, «теоретическое правоведение обогатилось некоторыми новыми отраслями и разновидностями – например, психологической теорией права (эмотивная юриспруденция), юридической герменевтикой (теория толкования юридических текстов и правил), гендерной юриспруденцией (теория происхождения и эволюции правового статуса лиц, относящихся к различному полу, возрасту и т.д.), теорией правовой культуры в ее соотношении с политической культурой и другими социокультурными образованиями. Моральная и социальная оправданность права обсуждается и фиксируется в таких областях правоведения, которые именуются деонтологией права и аксиологией права».

Новейшей областью теоретического правоведения можно считать также юридическую антропологию» [19. С. 13–14].

Профессор В.М. Сырых выделяет в относительно самостоятельную отрасль юридической науки ее методологию. «Было выявлено – пишет он, – что закономер-

ности научного познания образуют относительно самостоятельную сферу познания, которая не в полной мере соответствует предмету теории государства и права, ориентированному на раскрытие закономерностей функционирования и развития этих явлений. Для исследования закономерностей научного познания государства и права требуются специальные знания в области философии и гносеологии научного познания, особый понятийный аппарат и дополнительная модификация системы методов научного познания применительно к специфике исследуемого предмета. Все это объективно обуславливает выделение проблем методологии правовой науки в самостоятельную отрасль» [20. С. 115].

К областям юридико-теоретических знаний следует отнести также теоретические основы юридической кратологии и юридическую теорию власти. Названные и некоторые другие направления, не в полной мере вписываясь в традиционные рамки теории государства и права, расширяют горизонты юридико-теоретического познания и выводят его на качественно новый уровень. Причем одна из ключевых ролей в такой динамике качества юридико-теоретических знаний видится в знаниях о власти. Характер и универсальность власти позволяют говорить, что сопряжение знаний о ней и знаний о праве формирует точку бифуркации юридико-теоретического познания. В этой точке происходит переход юридико-теоретических знаний из классического состояния теории государства и права в состояние с более широким и более разнообразным набором объектов познания. Иными словами, современные юридико-теоретические знания объективно проявляют тенденцию к выходу на более емкий уровень их обобщения и к формированию более широкой системы юридического познания. Среди ее объектов прежде всего право и власть в их противоположности и целостности функционирования. Вместе с ними объектами юридического познания оказываются все те факторы регулятивной реальности, которые лежат в их основании или внешне проявляют их, как это, в частности, происходит с государством. Обозначенную систему юридико-теоретических знаний можно назвать комплексным юридическим учением, в котором аккумулируются и теория права, и теория государства, и юридическая теория власти.

На стыке наук

В системе кратологии, предложенной В.Ф. Халиповым, юридическую кратологию следует отнести к группе частных (специальных) кратологий. Она как система знаний о власти в ее связанности с правом формируется на стыке современных знаний, прежде всего, о праве (правоведения), о власти (властвоведения или кратологии) и о государстве (государствоведения). Причем это формирование происходит как в целом, так и на теоретическом уровне. В целом на стыке названных наук формируется юридическая кратология (рис. 1).

На теоретическом уровне происходит формирование теоретических основ юридической кратологии, и в первую очередь юридической теории власти, которая рождается на стыке трех теорий: права, власти и государства (рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

Юридическая кратология и ее теоретическое обоснование, коим служит прежде всего юридическая теория власти, призваны, с одной стороны, продуцировать новые знания о власти в контексте ее противоположности и связанности с правом, а с другой стороны, – аккумулировать эти знания, заимствуя их из правоведения, государствования и кратологии.

Заключение

Решение проблемы власти как объекта юридического познания основывается в первую очередь на том, что она фактически является таковым и предполагает ее официальное признание в данном качестве. Такое признание, в свою очередь, повлечет активизацию научных исследований о власти и устранение дефицита знаний о ней. На этом пути решения рассматриваемой проблемы в последующем могут сформироваться юридическая кратология как наука и ее

теоретические основы, ядром которых видится юридическая теория власти.

Формирование таких областей знаний создает возможность их применения не только на практике, но и в методологических целях для исследования всей юридической реальности и в первую очередь для познания права. Ведь в значительной мере юридическое познание права – это его познание посредством знаний о власти, что требует устойчивой методологической опоры на них. Вместе с этим юридическое познание власти – это ее познание посредством знаний о праве. А юридическое познание окружающей действительности оказывается ее познанием посредством знаний о противоположности и целостности функционирования права и власти. В этом контексте юридическая кратология как область знаний о власти в ее противоположности и связанности с правом может оказаться весьма полезной наукой для методологии юридического познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцев Г.В. Право и политика в контексте теории власти // Право и политика современной России. М., 1996. С. 13–53.
2. Нерсисянц В.С. Философия права : учеб. для вузов. М. : Издательская группа ИНФА М-НОРМА, 1997. 652 с.
3. Исаев И.А. Метафизика Власти и Закона: У истоков политико-правового сознания. М. : Норма, 1998. 256 с.
4. Исаев И.А. Топос и номос: пространство правопорядков. М. : Норма, 2007. 413 с.
5. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989. 288 с.
6. Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М. : Астрель, 2006. 1037 с.
7. Котляревский О.А. Власть и право. Проблема правового государства. М. : Тип. «Мысль» Н.П. Меснянкин и Ко, 1915. 419 с.
8. Алексеев С.С. Теория права. М. : Изд-во БЕК, 1995. 320 с.
9. Алексеев С.С. Философия права. М. : НОРМА, 1998. 487 с.
10. Сырых В.М. Материалистическая теория права : Избранное. М. : РАП, 2011. 1260 с.
11. Тарасенко В.Г. Постулаты права. М. : Издательский дом «Городец», 2009. 128 с.
12. Хорошильцев А.И. Юридический континуум свободы: понятие и общая характеристика // Юрист-правовед. 2010. № 2. С. 68–71.
13. Хорошильцев А.И. Юридическая кратология: теоретические основы. М. : Юрлитинформ, 2014. 512 с.
14. Халипов В.Ф. Наука о власти. Кратология : учеб. пособие. М. : Ось-89, 2002. 448 с.
15. Халипов В.Ф. Основы кратологии. М., 1995. 304 с.
16. Сидоренко О.В. Юридическая власть : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002, 192 с. РГБ ОД, 61:03-12/674-9. URL: <http://www.disserr.com/contents/101559.html> (дата обращения: 04.01.2019).
17. Бурдые П. Власть права. Основы социологии юридического поля / пер. с фр. О.И. Кирчик; Социальное пространство: поля и практики : сб. ст. М., 2005. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3040> (дата обращения: 10.01.2019).
18. Назаренко Г.В. Теория государства и права : учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Познавательная книга плюс, 1999. 128 с.
19. Графский В.Г. Проблемы создания обновленной концепции юриспруденции (общей, интегральной юриспруденции). Основные концепции права и государства в современной России (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 5–34.
20. Сырых В.М. История и методология юридической науки : учебник. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2012. 464 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 августа 2019 г.

Power as an Object of Legal Research: A Problem Aspect

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 255–262.

DOI: 10.17223/15617793/447/31

Alexander I. Khoroshiltsev, Regional Open Social Institute (Kursk, Russian Federation). E-mail: hor46@bk.ru

Keywords: law; power; object of legal research; theory of state and law; jurisprudence; state studies; legal theory of power; legal cratology.

The article is devoted to power as an object of legal research. The problem of power in this capacity is seen, first of all, in the fact that it, being actually the object of such research, is not recognized by the official doctrine in this status and there is no separate branch of science about it. At the same time, there is a lack of legal knowledge about power, which negatively affects the methodology of legal research and the quality of the doctrinal reflection of the objective reality. It is proved that power is a fundamental object of legal knowledge similar to the law, which is studied by jurisprudence and recognized as its object. Equivalence of law and power in the indicated sense follows from the fact that each of these factors equally serves as the basis of the reality studied by legal science. It is substantiated that the named reality is formed by the integrity of the functioning of law and power. Such integrity serves as a source of legal order and is considered as a legal continuum of freedom. It is noted that the relationship of law and power are objective. They manifest the universal principle of unity and struggle of opposites and ensure the transition of activity from its state of potentiality to the state of actuality by the integrity of their functioning. Neither the law nor the authorities are able to streamline the connections of the subjects of social interaction alone. Methodologically, the analyzed characteristics of law and power make it necessary to take into account the equivalence of these phenomena in the formation and functioning of legal reality. Such an approach is justified methodologically; it corresponds to the objects of study and their interconnectedness. It is also confirmed by the experience of scientific research. Power, despite the fact that it is not officially recognized as an object of legal research, is actually investigated both in state studies and in jurisprudence. Many candidate and doctoral dissertations, monographs and scientific papers are devoted to power and especially to the political power, its branches, functions, bodies. In science, the formation of a system of legal knowledge of power is underway. Legal cratology is formed at the border of general cratology, jurisprudence and political science as a branch of knowledge about power in its opposition and connection with law. Together with legal cratology, its theoretical foundations are being developed and, first of all, the legal theory of power. The author makes a conclusion about the need for an official recognition of power as an object of legal research equivalent to the law. This will activate the study of power and will contribute to the formation of a doctrinal system of legal knowledge about it.

REFERENCES

1. Mal'tsev, G.V. (1996) *Pravo i politika v kontekste teorii vlasti* [Law and politics in the context of the theory of power]. In: Varlamova, N.V. et al. *Pravo i politika sovremennoy Rossii* [Law and politics of modern Russia]. Moscow: Bylina. pp. 13–53.
2. Nersesyants, V.S. (1997) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa INFA M-NORMA.
3. Isaev, I.A. (1998) *Metafizika Vlasti i Zakona: U istokov politiko-pravogo soznaniya* [Metaphysics of Power and Law: At the origins of political and legal awareness]. Moscow: Norma.
4. Isaev, I.A. (2007) *Topos i nomos: prostranstvo pravoporyadkov* [Topos and Nomos: the space of law and order]. Moscow: Norma.
5. Alekseev, S.S. (1989) *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General permissions and general prohibitions in Soviet law]. Moscow: Yurid. lit.
6. Vysheslavtsev, B.P. (2006) *Krizis industrial'noy kul'tury. Izbrannye sochineniya* [The crisis of industrial culture. Selected Works]. Moscow: Astrel'.
7. Kotlyarevskiy, O.A. (1915) *Vlast' i pravo. Problema pravovogo gosudarstva* [Power and law. The problem of the rule of law]. Moscow: Tip. "Mysl'" N.P. Mesnyankin i Ko.
8. Alekseev, S.S. (1995) *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow: Izd-vo BEK.
9. Alekseev, S.S. (1998) *Filosofiya prava* [The philosophy of law]. Moscow: NORMA.
10. Strykh, V.M. (2011) *Materialisticheskaya teoriya prava: izbrannoe* [Materialistic Theory of Law: Selected Works]. Moscow: RAP.
11. Tarasenko, V.G. (2009) *Postulaty prava* [The postulates of law]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Gorodets".
12. Khoroshil'tsev, A.I. (2010) *Yuridicheskoy kontinuum svobody: ponyatie i obshchaya kharakteristika* [The legal continuum of freedom: concept and general description]. *Yurist'-pravoved*. 2. pp. 68–71.
13. Khoroshil'tsev, A.I. (2014) *Yuridicheskaya kratologiya: teoreticheskie osnovy* [Juridical cratology: Theoretical foundations]. Moscow: Yurlitin-form.
14. Khalipov, V.F. (2002) *Nauka o vlasti. Kratologiya* [The science of power. Cratology]. Moscow: Os'-89.
15. Khalipov, V.F. (1995) *Osnovy kratologii* [The fundamentals of cratology]. Moscow: Luch.
16. Sidorenko, O.V. (2002) *Yuridicheskaya vlast'* [Juridical authority]. Law Cand. Diss. St. Petersburg. [Online] Available from: <http://www.disserr.com/contents/101559.html>. (Accessed: 04.01.2019).
17. Bourdieu, P. (2005) *Vlast' prava. Osnovy sotsiologii yuridicheskogo polya* [The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field]. Translated form French by O.I. Kirchik. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3040>. (Accessed: 10.01.2019).
18. Nazarenko, G.V. (1999) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. 2nd ed. Moscow: Poznavatel'naya kniga plyus.
19. Grafskiy, V.G. (2003) *Problemy sozdaniya obnovlennoy kontseptsii yurisprudentsii (obshchey, integral'noy yurisprudentsii). Osnovnye kontseptsii prava i gosudarstva v sovremennoy Rossii (po materialam "kruglogo stola" v Tsentre teorii i istorii prava i gosudarstva IGP RAN)* [Problems of creating an updated concept of jurisprudence (general, integral jurisprudence). The main concepts of law and state in modern Russia (based on the materials of the "round table" at the Center for Theory and History of Law and State, Institute of State and Law RAS)]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 5. pp. 5–34.
20. Strykh, V.M. (2012) *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [History and methodology of legal science]. Moscow: Norma; INFRA-M.

Received: 28 August 2019